

Инна Лисовская

DOI 10.15290/sw.2017.17.17

Гродненский государственный университет им Янки Купалы
Филологический факультет
Кафедра белорусского и сопоставительного языкознания
tel. +375 152 740377
e-mail: i.lisovskaya@grsu.by

Юлия Парфинович

аспирант кафедры русского языка УО “ГрГУ им. Я. Купалы”
tel. +375 152 740377
e-mail: i.lisovskaya@grsu.by

**Оппозиция «природа – человек» как фрагмент
концептуальной картины мира белоруса в поэме
Николая Гусовского *Песня о зубре***

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина и модель мира, концепт, оппозиция.

Родной язык полностью или частично определяет мировосприятие своих носителей, поскольку «человек думает, чувствует и живёт только в языке» [Гумбольдт 1985, 378].

И в процессе познания мира, и в процессе приобретения нового знания, как результата процесса познания, и в процессе отражения мира важнейшая роль, несомненно, принадлежит языку. Поэтому в лингвокультурологии наиболее часто употребляется в этом смысле термин языковая картина мира. «Языковая картина мира – это совокупность знаний о мире, запечатлённых в лексике, фразеологии, грамматике» [Кондильяк 1980, 49].

Исследование языковой картины мира неизменно приводит к изучению концептуальной системы и концептов определённого народа, так как, этнические по своему моделирующему характеру, они и закрепляются в языке, служа основой для понимания смысла и в полноценной

речевой ситуации (дискурсе), и в художественной её модели – в нарративном тексте или в поэтическом произведении.

Вопросы, связанные с этнической и художественной концептуализацией действительности, как и с выделением и описанием ключевых концептов, в современном белорусском языкознании освещены до сих пор недостаточно, в особенности это касается изучения концептосферы известных белорусских поэтов, в сравнении, скажем, с уровнем, глубиной, многоаспектностью исследования концептуального моделирования художниками слова в языкознании российском, уверенно занимающем лидерские позиции в разработке этих граней когнитивистики.

Значимость же обращения к художественному отражению концептуального и языкового миромоделирования и возможности его осуществления в сложившейся сегодня научной модели мира взаимосвязаны и очевидны, поскольку параллельное исследование художественных авторских и общих национально этнических моделей и картин мира и позволяет выявлять ментальное своеобразие и единство народов и изучать вклад их ярчайших прецедентных языковых личностей в формирование, развитие и трансляцию национального менталитета.

Когда известно, что национальная языковая картина мира отображает сознание конкретного общества, связанного этническим родством, образом жизни и обычаями, исследование национальной языковой картины мира, начиная от её исторически значимых периодов, позволяет выявить концептуальную систему миромоделирования, актуальную для этого общества на каждом из этапов его истории, и проследить реальную динамику её эволюции.

В идее исследовать концептуальную картину мира белорусов, начиная со времён Николая Гусовского, нами реализуется попытка обратиться к истокам зарождения белорусского национального самосознания, так как именно оттуда, из той эпохи, берут своё начало общенациональные и общечеловеческие смыслы, которые развивались на протяжении всей истории нашего народа и которые обрели уникальные, единственные в своём роде оттенки и краски, так называемый «национальный компонент». Непосредственно связанные с устным народным творчеством и наивной картиной мира наших предков, где, собственно, и зарождаются национальные концепты, концептуальная и языковая картины мира нации эволюционируют вместе с народным самосознанием, взглядом народа на мир и на себя самого.

В поисках самобытных истоков белорусского национального миромоделирования вновь обратимся к поэтическому наследию Николая Гусовского, наиболее близкого фольклорным представлениям белоруса.

Попытка исследования концепта «явления природы» на материале поэмы Н. Гусовского «Песня про зубра» нами уже была предпринята ранее [Лисовская, Парфинович 2015, 81–89]. Обнаруженные в процессе исследования глубина и самобытность фактического материала поэмы привели нас к необходимости дальнейшего осмысления вопросов, связанных с концептуальной и языковой картинами мира белоруса. Сакральное, искреннее и особенное использование национального слова в поэтическом обращении Н. Гусовского воплощает концептуализацию действительности ярко и неповторимо, а потому выявить границы и экспликатеры уникального и общенародного в представлении действительности представляется нам актуальным и практически значимым на современном этапе исследования белорусского национально-миромоделирования как для уровня отдельных концептов, так и для уровня языковой и концептуальной картин мира в целом.

Фольклорные произведения сохранили память о самых важных исторических событиях в жизни народа. В песнях, сказках и пословицах отразились народное мировоззрение и национальный характер, а также концептуальная картина мира. Эти произведения вместили в себя определённый генетический код, следование которому являлось первоочередной задачей для наших далёких предков в целом и для каждого человека в отдельности.

Так, сказки, песни, обрядовые композиции, посвящённые свадебному действу, рождению ребёнка, встрече весны, началу жатвы и др., наполненные оптимизмом, верой в победу добра и справедливости, являются собой целостность мировосприятия белорусского народа. При этом в фольклорных произведениях очевидна неразрывная связь человека с природой, что свидетельствует о глубоких корнях устного народного творчества, уходящих в языческий период развития общества. Тёмные и враждебные человеку силы природы, с которыми идёт постоянная борьба, представлены здесь в тёмных красках. Эти особенности устного народного поэтического творчества были характерны и для европейской литературы и культуры эпохи Возрождения. Белорусская литература XVI века тоже развивалась в русле гуманизма, ярчайшими представителями которого были Ф. Скорина и Н. Гусовский. Важными признаками белорусского гуманизма явились его демократичный характер, образовательная и воспитательная направленность, тесная связь с традициями предшествующей эпохи и фольклором, тем самым способствуя преемственности в развитии мировой литературы.

Самым значимым произведением поэзии эпохи Ренессанса, вобравшим в себя все вышеперечисленные качества, стала именно поэма *Car-*

men de statura feritate ac venatione bisontis (*Песня о статуе, диком нраве зубра и охоте*) Николая Гусовского, более известная как *Песня о зубре*. Н. Гусовский – один из крупнейших поэтов эпохи Возрождения, а его поэма – это органичный сплав лирики и эпоса. Она является прекрасным памятником литературного наследия и духовного величия белорусов, а потому, находясь у самых истоков белорусского поэтического творчества, воплощает наивную, концептуальную и языковую картины мира белорусского народа XVI века.

В поэме на создание картины жизни Великого Княжества Литовского художественно работают описание и воспевание белорусской природы и возвышение героического прошлого белорусского народа. В результате Н. Гусовскому удаётся создать, воплотить свой – уникальный, авторский – образ страны, в которой он реально живёт, показав свою Родину не только самобытной, но и самодостаточной. На латинском языке автор создал глубоко национальное патриотическое произведение, пронизанное идеей возвышения своей страны и народа, его важности и готовности стать участником европейской истории. При этом Н. Гусовский «предстаёт перед нами как истинный ценитель родной природы, как её знаток. В поэме представлен образ Родины не как дикого экзотического края, а как края спокойного и мужественного, заслуживающего лучшей судьбы и более внимательного отношения со стороны соседей» [Грынчык, Калеснік 1997, 157].

В основу поэмы легли мировосприятие поэта и его глубокий взгляд на культуру белорусского народа, а потому в поэме чётко прослеживается связь с языческими традициями предков, у которых жизнь напрямую зависела от сил природы.

Выявить значимость природных явлений для современников Н. Гусовского позволяет обращение к бинарной оппозиции **природа – человек**. Существовавшая в разных европейских культурах, она нашла своё отражение в литературе и в языках многих народов. Не стало исключением её присутствие и в белорусском языковом сознании, подтверждение чему находим в лексическом континууме поэмы, который представляют 30 лексем, именующих явления и состояния природы в более чем 70 контекстных реализациях. Это слова: *снег* (в 10 контекстных реализациях), *вада* (6), *вечер* (6), *ноч* (4), *хваля* (4), *хмара* (3), *дзень* (3), *сонца* (3), *лета* (2), *лёд* (2), *паветра* (2), *пара* (2), *плынь* (2), *лістапад* (1), *воблака* (1), *вясна* (1), *дождж* (1), *зіма* (1), *маланка* (1), *мароз* (1), *мора* (1), *навальніца* (1), *неба* (1), *пароша* (1), *праменьчык* (1), *сцюжа* (1), *туман* (1), *ураган* (1), *холад* (1), *бліскавіца* (1), *змурынка* (1) и др.

Следует отметить, что наибольшее количество слов данной тематики берёт своё начало во временах индоевропейского периода развития языка (*бліскавіца, бура, зіма, мароз, град* и т.д.). Немало лексем (*сонца, дождж, завея, вецер* и т.д.) возникло и в период праславянского этапа развития языков. Следующим по количеству возникших лексем идет белорусский период. В данном периоде развития языка наблюдаются способы пополнения лексического состава путем заимствования и словообразования.

В основу нашего исследования легло представление о бинарной оппозиции **природа – человек**. Как правило, в этом взаимодействии рождается триединство:

- 1) «природа, обернувшаяся адом»,
- 2) «природа – сияющий храм»,
- 3) «природа разумная».

Исследование поэмы Н. Гусовского показало, что в поэме такое триединство отсутствует, и оппозиция представлена лишь двумя ипостасями – «природа, обернувшаяся адом» и «природа – сияющий храм», что как раз и характерно для белорусского сознания того времени. Эти ипостаси несут в себе отпечатки древнего восприятия мира, в них сильно выражено метафорическое персонифицирование сил природы.

Третья ипостась концепта – «природа разумная», которая соединяет в себе первые две и обогащается сотрудничеством с Человеком – властелином земли, – в произведении Н. Гусовского не актуализировалась, несмотря на то, что время создания поэмы характеризуется гуманистическим подходом в отображении внеязыковой действительности.

Отсутствие ипостаси «природа разумная» и в поэме, и в сознании народа, о котором идёт повествование в поэме, объясняется тем, что даже частотно и по лексической экспликации «торжествуют» неразумные – неуправляемые, стихийные, холодные или столь же беспощадные, хотя и горячие, – слагаемые природы: *вада* (6), *вецер* (6), *ноч* (4), *хваля* (4), *хмара* (3), *сонца* (3), *лёд* (2), *наветра* (2), *пльнь* (2), *лістапад* (1), *воблака* (1), *вясна* (1), *дождж* (1), *зіма* (1), *маланка* (1), *мароз* (1), *мора* (1), *навальніца* (1), *пароша* (1), *сцюжа* (1), *туман* (1), *ураган* (1), *холад* (1), *бліскавіца* (1), *хмурынка* (1). А это 25 лексем из 30 в 48 контекстных реализациях. И белорусской концептуальной картине мира эти слагаемые таковы по своей влиятельности на всё живое, а не только на человека. Так, *холод* – это, прежде всего, гибель; *снег* – это символ смерти, саван, например:

*Вось ён, пагібельны ўдар! Наш асуджаны пысай
Тыцнуў у снег і прыкленчыў, нібы пакланіўся
Шумнай дуброве: «Даруй, мая родная, ўсё мне» [Гусоўскі 1973, 75].*

*Цень мільгануў па сумётах – сарока ці сойка
З сука на сук праляцела – бадае ў сумёты [зубр],
Чмыхае мордай у снезе. Агонія блізка... [Гусоўскі 1973, 73]*

*Бачыў і чуў, як пальбой аглушалася пушча,
Грозна са стогнам у снег асядала здабыча [Гусоўскі 1973, 14].*

*Ранены верхнік мільгне, і адно толькі згледзіш:
Кроў на кані, як гронкі каліны на снезе... [Гусоўскі 1973, 14].*

*Ды і крыніцы ж натхнення, што паяць паэму,
Недзе далёка-далёка пад лёдам і снегам [Гусоўскі 1973, 34].*

Лексема *снег* в поэме несёт большую смысловую и функциональную нагрузку – от представления мощной негативной силы стихии до простой, естественной и безобидной частицы зимнего пейзажа, например:

*Гнацца за зверам, дзе ўсякае трапіцца можна:
Недзе калода гнілая, барсучья язва,
Там буралом або пні, што прыкіданы снегам [Гусоўскі 1973, 49].*

*З самых зазімкаў залежаўся снег смарашэльы,
Зверху прысыпаны свежаю пухлянай парашай [Гусоўскі 1973, 66].*

*Шмыгнуў найцёкі за дрэва праз муць снегавую.
Што пачалося! [Гусоўскі 1973, 67].*

*Слепне ад злосці шалёнай, яму ўжо ўсё роўна –
Дрэва калечыць ці лоўчага. Варам віруюць
Пара і снег, і абодвух за імі не бачна... [Гусоўскі 1973, 68]*

Поэтому и торжествует, превалирует в поэме природа в первой ипостаси – «природа, обернувшаяся адом» – что-то страшное, несущее смерть всему живому и человеку в том числе: *мароз* – пагібель; *вішчыць і мармыча нетра лясная (ад ветру)*; *вечер* – звер у бяспамяцтве, страшэнны *ўраган*; *бяспуцце, хмарнасць паўгода, муць снегавая, снег чырванее, асядаць у снег, лёд і снег, прыкленчыць у снег* и др.

Ещё раз обратимся к контекстам из поэмы:

*Холад для дужага, мабыць, быў колісь лякарствам,
Зараз мароз для аслаблага – гэта пагібель: кроў ўсё льецца,
З крывёю сцякае і сіла [Гусоўскі 1973, 43].*

Преобладающее «художественное состояние», заключённое в представленных явлениях природы, – это страх, предчувствие чего-то недоброго. Природа выставлена автором в тёмных красках, будущее человека выглядит туманным и тревожным:

*Доўгія зімы з кароткімі днямі,
Бяснуце, **хмарнасць** паўгода –
Ну як у такой ваўкацечы
З вечным **паўзмрокам** [Гусоўскі 1973, 30].*

То утихающий, то нарастающий вой ветра, дикий холод создают тревожное настроение, чувство надвигающегося несчастья, беды:

*Ветрана стала і яжканне гончых з-пад **ветру**
– Быццам дзесь побач
Ловячы шум баравы, што наплывамі з кронаў
То ніспадзе, то зноў уздымецца ў неба.
Чуецца, як стогалоса вішчыць і мармыча нетра лясная?
Холад паўночны здароваму духам не страшны [Гусоўскі 1973, 31].*

*Злосць, што іскрылася з позірку, мутнаю плёнкай
Вочы сцінае, яе тонкім **ляджом** адгарэла [Гусоўскі 1973, 65].*

Автор проводит параллель между зубром – символом стойкости и выносливости – и природой. Он наделяет зверя необычайной силой, которая подвластна лишь природе и которая сметает всё на своём пути. Поэт сравнивает зубра с ураганом, порывистым ветром, показывая тем самым могущество и неуловимость зверя, ставит знак равенства между ним и природой. При этом природа также наделяется силой огромного зверя:

*Звер у бяспмяцтве – гэта парывісты **вецер**,
Ён жа ў нападзе – страшэнны **ўраган**, і ратунку
Лодцы жыццёвай не будзе, калі наляціць ён.
Снег на вачах счырванее на месцы забойства [Гусоўскі 1973, 48].*

*Колькі ні жалься, ні вохжай, а чэмеру гора
Не падсалодзіш жальбою. Як лес безгалосы,
Мы пад сякерай; дык хай жа пачуецца ў свеце
Гусаўца голас пра волатаў нашых пушчанскіх [Гусоўскі 1973, 38].*

Природа в первой ипостаси характеризуется как дикая, суровая, хищная, холодная, устрашающая, несущая в себе угрозу живому. Её краски темны. Голоса, которые издаёт природа, призваны отразить её

мрачное настроение. Природа шумит, воет, свистит. В этом мире идёт бой, сражение на уничтожение и смерть.

Жестокость природы видится в законе борьбы за существование. Отсюда – выход на концептуальное триединство, связанное со всеми ипостасями концепта «явления природы»: «жизнь ↔ бытие ↔ смерть». Автор прямо говорит:

*Пад сонцам ніводнай хвіліны
Без барацьбы не было на зямлі і не будзе –
Гэта закон існавання жывога ў прыродзе* [Гусоўскі 1973, 20].

*Толькі шчапа ды сукі затрашчалі, а дрэва
Усё скалыгнулася, быццам маланка скасіла.
Бачыў і чуў, як пальбой аглушалася пушча,
Грозна са стогнам у снег асядала здабыча* [Гусоўскі 1973, 14].

Во второй ипостаси «**природа – сияющий храм**» природа воспринимается как несущая радость, как олицетворение праздника: **во-сень** – пара насалоды, **лясы** – хараство, скарбонка і свіран и др. Обратимся к контекстам:

*Юр гэты ў іх супадае з парой лістападу
Кожную **восень**, і недзе мо з тыдзень ці болей
Цягнеца свята Венеры, і шалы юнацтва.
З бою бяруцца. У гэту пару насалоды
З шастаннем сцелюць лістоту на шлюбнае ложа*
[Гусоўскі 1973, 18].

*Край наш багаты драўнінай, нічога не скажаш,
Ды не адно ж хараство ў ім – **лясы, нібы хмара***
[Гусоўскі 1973, 23].

Природа приносит наслаждение и упоение. Она спокойна и щедра:

*Нашы **лясы** – гэта наша скарбонка і свіран,
Наша камора жывіцы, і дзёгцю, і ягад,
Мёду і воску, куніцы і рознай дзічыны* [Гусоўскі 1973, 23].

*Нас зачакалася пушча, дык возьмем напрамак
Проста на лес, што кальшацца подыхам **ветру**.
Нашы лясы – гэта нашых даброт і багацця
Невычарпальны калодзеж... [Гусоўскі 1973, 22]*

*Сосны ў нас гоніць у ствол, як трыснёг у сцябліну;
Хмаркі, здаецца, павіслі на макаўках кронаў* [Гусоўскі 1973, 23].

Природа во второй ипостаси – это сияющий храм. Автор восхищается её красотой, общение с ней приносит ощущение радости, счастья:

*Край наш **природа** такім надзяліла багаццем,
Што незлічонаць у пушчах дзічыны і звера...* [Гусоўскі 1973, 24]

*Водарам кветак з **вясны** і да позняга **лета**
Пушча напоена, нетры яе і прылескі* [Гусоўскі 1973, 23].

*Шчодрая **вільгаць** з бяздоннай зялёнай крыніцы
Спорным **дажджом** выпадае на тлустыя глебы*
[Гусоўскі 1973, 22].

Поэт сожалеет лишь о том, что ветер не в состоянии разнести славу о родной земле и её людях по всему миру:

*Слава шуміць твая ў пушчах вячыстых, а **вечер**
З нашых зямель па-за межы той шум не даносіць*
[Гусоўскі 1973, 41].

Анализ лексического уровня поэмы показал, что в ней отсутствует грань «**природа разумная**», где взаимодействие природы и Человека способно уравновесить, сделать более гармоничными два антагонистических начала – добро и зло, где природа сама мечтает о разумном правлении человека. Ярким примером проявления ипостаси «природа разумная» являются средневековые баллады английского народа. Взаимодействие **природа – человек** подчёркивается совмещением, слиянием понятийных сфер:

*And louder howled the rising **wind**
And burst the fastned door...* («King Henry») [Ариштейн 1988, 56].

Присутствие человека не всегда явно. Его влияние имплицитно через лексику, обозначающую созданные человеком реалии, артефакты:

*The new fa'n **snow** to be your smock
Becomes your body best,
An' your head sall be wound wi' the easten **wind**,
An' the could **rain** on your breast* («Bonnie Mag») [Ариштейн 1988, 87].

Необходимо отметить, что автор поэмы большее предпочтение отдаёт таким лексическим воплощениям концепта «явления природы», как *вечер, хмара, мароз, дождж, восень, маланка*. Слова *восень* и *дождж* воплощают положительные художественные ассоциации – радость и умиротворённость природы, в то время как лексемы *мароз*,

маланка, блискавіца – предвестники беды. Обратимся к некоторым примерам из поэмы, где эти лексеммы выступают в качестве образных сравнений:

*Толькі шчапа ды сукі затрышчалі, а дрэва
Усё скаланулася, быццам маланка скасіла.* [Гусоўскі 1973, 66].

*Лоўчы – таксама не дурань – мяняе прыёмы:
Коле кароткім ударам, з падскоку на выпад.
Тут у імкліваасці ўдару клінок апярэдзіць
Нават стралу быстралётную – як блискавіца!*

[Гусоўскі 1973, 74].

Слова *вецер* и *хмара* употребляются при выражении сферы как положительных, так и отрицательных эмоций человека. Такая смысловая универсальность этих лексем может объясняться наибольшей значимостью данных явлений природы для белорусского сознания того времени и существенной зависимостью белоруса от силы природы.

Таким образом, лексическая категоризация оппозиции **природа – человек** запечатлевает её (опозицию) как концептуально значимую для миропонимания автора составляющую художественной картины мира. Однако Н. Гусовский предстаёт перед нами в первую очередь как прецедентный носитель белорусского национального менталитета. В его произведении видятся те изначальные грани миромоделирующего воплощения языкового сознания и концептуальной картины, которые сыграли в развитии менталитета белорусского социума судьбоносную роль. То, что в эпоху белорусского Средневековья понималось как своё, родное, художественно ценное и важное для белоруса Н. Гусовского, стало вначале отличительной чертой белорусской ментальности, обнаружилось единство миропонимания и близость душевных переживаний белорусов и европейцев. В дальнейшем эти особенности легли в основу авторских картин мира величайших представителей белорусской лингвокультуры – Якуба Колоса, Янки Купалы, Кузьмы Чёрного, Максима Горьцкого, Кондрата Крапивы, Владимира Короткевича и др.

Лексические категоризаторы оппозиции **природа – человек**, формирующие художественную модель мира поэмы Н. Гусовского, не просто несут в себе наиболее существенные особенности языковой личности его времени, но являют по своей сути изначальный вариант уникального белорусского национального воплощения концепта **«явления и состояния природы»** и дают возможность для его осознания и развития в последующие периоды истории белорусского общества, белорусского языка и белорусского миропонимания.

Літаратура

- Ариштейн Л.М., 1988, *Английская народная баллада: Сборник*, Москва.
- Гумбольдт В., 1985, *Язык и философия культуры*, Москва.
- Гусоўскі М., 1973, *Песня пра зубра*, [в:] *Мастацкая літаратура*, Мінск.
- Грынчык М.М., Калеснік У.А., 1997, *Гісторыя беларускай літаратуры: ста-
ражытны перыяд*, [в:] *вучэб. дапам. для філал. фак. пед. ВНУ*, Мінск.
- Кондильяк Э. Б., 1980, *Сочинения: в 3-х т.*, Москва, т. 1.
- Лисовская И., Парфинович Ю., 2015, *Концепт «явления природы» в поэме
Н. Гусовского «Песня о зубре»*, [в:] *Польска-беларускія моўныя, літа-
ратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі = Polsko-białoruskie związki
językowe, literackie, historyczne i kulturowe: матэрыялы XXI Міжнарод-
най навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці»*, Беласток, с. 81–88.

OPPOSITION «NATURE – PERSON» AS A FRAGMENT OF THE CONCEPTUAL WORLD VIEW OF A BELARUSIAN IN THE POEM *SONG ABOUT THE BISON* BY NICOLAI GUSOVSKY

S U M M A R Y

The article studies the conceptual world view of the Belarusian from the times of Nikolai Gusovsky. We turned to the origins of the birth of the Belarusian national identity, since it is from there, from that era, national and universal senses have evolved, senses which developed throughout the history of our nation and have found unique shades and colors, the so-called «national component». These senses are directly linked with oral folk art and the naive world view of our ancestors, where, in fact, national concepts, conceptual and linguistic world views of the nation arise. They evolved together with national consciousness, people's view of the world and themselves.

The poem *Song about the Bison* by Gusovsky N. is used as a source of research. While analyzing the poem, we have come to the conclusion, that the notions reflecting the interaction «nature – person» is the basis for the Belarusian society development in the Middle Ages. The notions contain important peculiarities of the linguistic personality of that period. Besides they became the initial variant of the concept «natural phenomena», which developed during the subsequent historical periods of our society in the conceptual and linguistic world views.